

Он уткнулся лицом в шею Лян Чэна, пытаясь заглушить рыдания, и взмолился:

— Доктор, спаси меня.

На обычно спокойном лице Лян Чэна промелькнула тень сочувствия. Он уже очень давно не вспоминал о Линь Чэнби, образ которой давно стерся из памяти, но эти слова Цяо Юаньлиня вновь всколыхнули в нем былые чувства.

Ни успокаивать, ни утешать он не умел. Немного подумав, он решил поделиться собственным горьким опытом — в сравнении с его прошлым чужая беда могла показаться не такой уж страшной.

Но тут Цяо Юаньлинь сам поднял голову. Глаза его покраснели, а голос охрип:

— Прости.

Лян Чэн удивленно хмыкнул:

— М?

— Мне не следовало говорить тебе об этом, — Цяо Юаньлинь уже пожалел о своих словах. Изливать душу человеку, которого когда-то бросили родители, было своего рода жестокостью.

Лян Чэн спросил:

— А если в следующий раз тебе снова будет плохо, ты мне уже ничего не скажешь?

Цяо Юаньлинь покачал головой:

— Нет.

Лян Чэн вспомнил, как восемь лет назад Цяо Юаньлинь звонил Линь Чэнби с крыши, а закончив разговор, отвернулся, чтобы в одиночку переварить эту боль. Он выключил свет и развернул Цяо Юаньлиня к себе на сто восемьдесят градусов.

— Тогда справляйся с этим сам.

Цяо Юаньлинь уставился в темноту:

— Ты уходишь?

Лян Чэн шагнул вперед, преодолевая расстояние, которое когда-то на крыше разделяло их — ступени и перила, — и обнял Цяо Юаньлиня со спины:

— В одиночестве можешь грустить сколько угодно. Но если хочешь, чтобы я был рядом, строго следуй предписанию врача. Лимит времени — десять минут.

Спустя мгновение Цяо Юаньлинь накрыл ладонью его руку:

— Доктор Лян, вы недооцениваете свое врачебное мастерство. Мне хватит и семи минут.

Близилась полночь. В комнате отдыха за кабинетом стоял небольшой диван. Цяо Юаньлинь не стал возвращаться домой и прилег на него, укрывшись плащом Лян Чэна. Он собирался отдохнуть лишь немного, но тело полностью расслабилось, и он провалился в глубокий сон.

Жалюзи были закрыты неплотно, и сквозь них просачивались первые рассветные лучи. Проснувшись, он почувствовал, как вчерашняя тоска отступила. Сонно жмурясь, он потерялся подбородком о воротник плаща.

Восемь лет назад, после того обеда с Линь Чэнби, он прятался от дождя на автобусной остановке, и Лян Чэн точно так же оказался рядом. В конце того года он отказался от поездки в Великобританию и все зимние каникулы провел на форумах, выискивая информацию о пекинских университетах.

Сон окончательно улетучился. Цяо Юаньлинь достал телефон. С тех пор как Ван Жуйчжи переехала, он регулярно созванивался с ней по обычной или видеосвязи на праздники. На часах было всего четверть седьмого утра, поэтому для начала он решил отправить сообщение: «Бабушка, скучаешь по мне? Как празднуешь День КНР?»

Нажав кнопку отправки, Цяо Юаньлинь закинул на плечо рюкзак и поднялся. Он собирался сходить в уборную умыться. В восемь часов у Лян Чэна заканчивалась смена, так что до этого времени можно было успеть разобрать вчерашние съемочные материалы, а потом вместе позавтракать.

С этими мыслями он открыл дверь.

В кабинете, который еще ночью пустовал, теперь сидели семь-восемь кардиохирургов и специалистов, а рядом стояли пять интернов. Все в белоснежных халатах, зрелище казалось почти священным — медицинский консилиум сосредоточенно проводил утреннюю планерку.

В тот же миг больше десятка пар глаз разом уставились на него. Сила этих взглядов вполне могла потягаться с излучением от аппарата МРТ.

Цяо Юаньлинь со своим взъерошенным после сна гнездом на голове испуганно замер, боясь даже вдохнуть. Ему казалось, что его вот-от либо сурово спросят, с какой стати он занял ординаторскую, либо у него случится инфаркт и его тут же окружат для экстренного консилиума.

Лян Чэн сидел среди коллег с таким невозмутимым видом, словно был мажоритарным акционером «Жотань», и спокойно произнес:

— Прошу прощения, это мой родственник.

У Цяо Юаньлиня нервно дернулся глаз. Осознав, что под «родственником» Лян Чэн подразумевал названного брата, он смущенно пробормотал:

— Простите за беспокойство.

Покинув отделение, Цяо Юаньлинь напрочь забыл об умывании. Пока он топтался возле лифта, двери открылись, и оттуда бодрым шагом вышел руководитель группы Вань.

— О, репортер Цяо! — Руководитель группы Вань явно пребывал в прекрасном расположении духа. — Снова пришел пригласить меня на морепродукты?

Цяо Юаньлиню было не до шуток, и он ответил:

— Я жду брата.

Руководитель группы Вань глянул в сторону затихшего коридора отделения и с пониманием кивнул:

— А, совещание у них? Тогда я тоже не пойду туда.

Цяо Юаньлинь спросил:

— Вы к Лян Чэну?

— Да ничего важного, — руководитель группы Вань решил поделиться житейской мудростью.

— Если я прихожу пораньше, то всегда делаю небольшой обход. И для здоровья полезно, и со стороны кажется, будто я весь в делах и не бездельничаю.

С этими словами он вытащил бумажку и сунул ее в руки Цяо Юаньлиню:

— Загляну еще в отделение вестибулологии. Будь добр, передай это доктору Ляну.

— Что это?

В начале каждого месяца в больнице вскрывали ящик для отзывов и предложений. Лян Чэн относится к тому типу непрошибаемых людей, которых не волновали даже жалобы, а уж на подобные записки ему и подавно было наплевать. Со временем руководитель группы Вань просто перестал их ему передавать.

За редким исключением. Руководитель группы Вань пояснил:

— Но если написано что-то из ряда вон выходящее, я просто не могу удержаться, чтобы не показать ему лично.

Совещание закончилось. Сдав смену, Лян Чэн наконец освободился. Он зашел в ординаторскую переодеться и заметил на диване забытый телефон.

«Слава богу, Цяо Юаньлинь в свое время не пошел в медицину. Будь он хирургом, точно оставил бы что-нибудь в животе пациента, страшно представить», — усмехнулся про себя Лян Чэн. Он поднял мобильный и протер экран.

Вдруг телефон завибрировал. На экране высветилось: «Бабушка».

Лян Чэн на секунду замер, но, не раздумывая слишком долго, провел по экрану и принял вызов.

Спустя восемь лет голос Ван Жуйчжи оставался все таким же бодрым, а тон — ласковым. Она позвала:

— Внучок.

— Это Лян Чэн.

В трубке мгновенно воцарилась тишина. Похоже, Ван Жуйчжи пыталась вспомнить это имя и понять, не ослышалась ли она. Прошло немало времени, прежде чем она потрясенно спросила:

— Ты... Сяо Лян?

— Да, это я, — ответил Лян Чэн.

Негласный уговор, заключенный перед его отъездом из Пинхая, они оба прекрасно помнили. Покидая тогда тот старый дом, Лян Чэн пообещал Ван Жуйчжи, что заставит Цяо Юаньлиня выбросить его из головы.

— Ты вернулся, — медленно проговорила Ван Жуйчжи. — И вы с Юаньлинем снова встретились?

Лян Чэн ответил:

— Да.

Ван Жуйчжи вздохнула:

— И вы...

— Я нарушил обещание, — произнес Лян Чэн, озвучивая то, ради чего вообще ответил на звонок. — На самом деле все эти годы забыть его не мог именно я.

Когда он вышел из кабинета, в коридоре уже прибавилось людей. Лян Чэн на ходу кивал в ответ на приветствия коллег, попутно высматривая Цяо Юаньлиня.

Цяо Юаньлинь стоял возле большой вазы у лифтов. Вид у него был отрешенный, а лицо казалось бледнее стоявших рядом искусственных цветов.

Заметив его, Лян Чэн подошел ближе:

— Ты оставил телефон.

— А, — отозвался Цяо Юаньлинь.

Протягивая ему мобильный, Лян Чэн собирался признаться, что без спроса ответил на звонок:

— Тут только что...

Но Цяо Юаньлинь перебил его:

— А я только что прочитал твою записку.

Лян Чэн удивился:

— Какую записку?

Слегка надув губы, Цяо Юаньлинь с резким взмахом развернул листок бумаги — точь-в-точь как полицейский, предъявляющий значок преступнику, — и поднял его повыше, чуть ли не тыча Лян Чэну в лоб.

На листке красовалось послание, заставившее руководителя группы Вань поперхнуться чаем и собравшее вокруг себя уже не один десяток любопытных коллег. Написано оно было неизвестным человеком с явными мазохистскими наклонностями:

«Доктор Лян, не могли бы вы стать моим парнем?»

Когда Лян Чэн только устроился на работу, он сразу оказался в центре внимания: выпускник престижного зарубежного вуза, выдающийся специалист, высокий и привлекательный. К тому

же благодаря своему патенту он получил долю в капитале клиники, за что его и прозвали первым красавцем «Жотань».

Однако со временем все поняли, насколько этот «красавец» неприступен. Ко всем без разбора он относился с одинаковой холодностью, терпеть не мог светские беседы, любой разговор с ним длился не дольше трех минут, а его характер оказался куда более жестким, чем его безупречные хирургические навыки.

Из-за этого любовный фронт Лян Чэна годами оставался абсолютно безжизненным. Если не считать шестнадцатилетнего Цяо Юаньлиня, который когда-то без оглядки бросился ему навстречу, за все это время на его пути не расцвело ни единого бутона.

Лян Чэн взял записку, окинул взглядом почерк и, ничего не разобрав, просто скомкал бумажку и бросил ее в урну в углу.

— Чья-то глупая шутка, — сказал он.

— Кто станет шутить с признанием в любви? — возразил Цяо Юаньлинь.

Двери лифта открылись, пациентов заметно прибавилось. Лян Чэн завел его внутрь, и они оказались зажаты посреди толпы. Лишь когда створки сомкнулись и в тесном пространстве повисла тишина, он негромко спросил:

— Тебя это так задело?

Цяо Юаньлинь не стал ни подтверждать, ни отрицать, чтобы не привлекать внимание посторонних. Несколько непослушных прядей на его макушке забавно подрагивали при каждом движении, щекоча висок Лян Чэна.

Едва они доехали до подземной парковки, Лян Чэн, которому изрядно надоело это щекотание, ладонью прижал растрепанные волосы на макушке Цяо Юаньлиня и сообщил:

— Звонила твоя бабушка.

Цяо Юаньлинь разблокировал экран телефона, но пропущенных вызовов не обнаружил.

— Я ответил на звонок, — пояснил Лян Чэн. — Перезвони ей позже.

— Она поняла, что это ты? Сильно удивилась? — спросил Цяо Юаньлинь.

Лян Чэн лишь коротко кивнул, решив не вдаваться в подробности. Он сел за руль, и они покинули территорию больницы. Лян Чэн вел машину медленнее обычного, пока Цяо Юаньлинь с пассажирского сиденья набирал номер Ван Жуйчжи.

Бабушка и внук не виделись уже очень давно, да и созванивались последний раз на его выпускном. Голос Цяо Юаньлиня так и звенел от радости, когда он поздравлял ее с праздником, спрашивался о здоровье и раз пять повторил, как сильно по ней соскучился.

Он ни словом не обмолвился о встрече с Линь Чэнби, расписывая свою жизнь исключительно в радужных тонах: на работе все складывается отлично, начальство понимающее, в новой семье царит полная гармония, и вообще, до покупки новенького «Мерседеса» ему не хватает разве что пухлого банковского счета.

Лян Чэн молча вел машину. Поворачивая на перекрестке, он бросил взгляд в боковое зеркало

со стороны пассажира. В этот момент Цяо Юаньлинь на секунду замолчал и повернулся к нему.

Их взгляды на мгновение встретились. Цяо Юаньлинь негромко ответил в трубку:

— Да... Он вернулся в Пинхай, работает врачом... Не знаю, уедет ли он потом.

<http://bllate.org/book/18284/1753090>